

А.Ф. НЕКРЫЛОВА

КАТАЛЬНЫЕ ГОРЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Катальные горы в Петербурге XVIII – начала XX столетий ассоциировались, главным образом, со знаменитыми масленичными гуляньями. П.П. Свиньин, автор одного из первых путеводителей по северной столице, отмечал, что на масленицу «для русских главнейшее удовольствие составляют **ледяные горы**» [Свиньин 1816, 76]. Ему вторит известный петербургский режиссер-постановщик массовых гуляний конца XIX – 20-х гг. XX в. А.Я. Алексеев-Яковлев: «Именно с катаний на горах начинались сами народные гулянья» [Алексеев-Яковлев 1948, 25].

Спуск с ледяных гор на масленицу – традиционное развлечение русских, приуроченное к проводам зимы и встрече весны. Корнями своими уходящее вглубь народной календарной культуры, оно долго сохраняло обрядовый характер и было одним из проявлений продуцирующей магии (катались «на долгий лён», на будущий урожай, молодожены – на долгую счастливую жизнь), что не мешало ему быть и просто любимым народным развлечением. В столице Российской империи катание с гор, унаследованное от крестьянской культуры, утратило прежний магический смысл, приобрело новые черты. Функция развлечения здесь стала явно доминирующей, что постепенно превратило горы в популярный аттракцион – обязательную принадлежность городской праздничной площади. На масленичном гулянье ледяные горы были центром, вокруг которого сосредоточивались другие развлечения, выстраивались балаганы, шла бойкая торговля. Не случайно само масленичное гулянье нередко называлось «**под горами**».

Будучи главной притягательной силой общегородского веселья во время масленной недели, ледяные горы оказались запечатленными в рисунках и гравюрах¹, в мемуаристике, периодике и

¹ Работы Д.А. Аткинсона, К.П. Беггрова, М.Н. Воробьева, С.Ф. Галактионова, К. Гампельна, Х.-Г. Гейслера, К.И. Кольмана, П.П. Свиньина, Д.Н. Ходовецкого и др.

трудах, посвященных истории Петербурга и его культуре. Особый интерес, смешанный с восхищением и удивлением, вызывали горы у иностранцев, воспринимавших эту забаву как сугубо русскую экзотику. Характерна фраза о катаниях с гор из книги датчанина П. фон Хавена, бывшего в Петербурге в 1730-е гг.: «Помимо различных игр, обычных на масленицу, русские в эту неделю устраивают себе развлечение, которое чужеземным наблюдателям кажется более опасным, нежели веселым» [Беспярых, Сухачев 1989, 58]. Спустя сорок лет английский историк У. Кокс писал: «Нет ничего более веселого и своеобразного, чем зимние сцены на Неве... Ледяные горы в высшей степени распространены и представляют для населения постоянный неисчерпаемый источник развлечений... Я нередко более чем по часу простаивал у подножия этих ледяных гор, наблюдая, как санки с невероятной быстротой следуют одни за другими. Однако сам я не набрался смелости для такого эксперимента» [Там же, 61–62].

В Петербурге первых десятилетий XVIII в. горы возводились в разных местах, преимущественно на льду Невы против Смольного монастыря, Литейного двора, Петропавловской крепости, затем на площадях по левому берегу Невы – Сенной, Театральной, Петровской, Дворцовой, на Царицыном лугу. Когда со второй половины XVIII в. устройство гуляний прочно вошло в петербургский быт, за ними постепенно закреплялись и определенные места, становившиеся на долгие годы традиционными. В XIX в. для масленичных и пасхальных гуляний таковыми были Адмиралтейская площадь (1827 – 1872 гг.), затем Марсово поле (1873 – 1898 гг.). Здесь находились главные горы петербургской масленицы. Горы поменьше по-прежнему устраивались и в других частях города – на Неве, Фонтанке, недалеко от Смольнинского перевоза. В 1860-е гг. горы появились и на катках в некоторых городских общедоступных садах; в 1870-е гг. их начали возводить в Крестовском саду [Михневич 1874, 233–235]. В 1898 г. гуляния были перенесены на Семеновский плац. Неудобство пространства, удаленность от центра города, а также мрачная репутация этой

Представляем научные центры

105

окраины Петербурга привели к тому, что на масленице 1899 г. гор здесь уже не было [Конечный 1989, 43–44].

По-видимому, первые петербуржцы при устройстве ледяных гор использовали естественные возвышенности, прежде всего – высокие берега Невы, ее протоков и более мелких рек. В столице долго существовало поверье, будто Масленица прибывает в город со стороны Охты, где издавна ледяные горы «в отменном были почтении», потому истинные любители масленичного катания должны были «оказать честь» охтенским горам, спустившись с крутых берегов Охты-реки, и тем самым достойно «вбегать», набрав хорошую скорость, в стихию безудержно веселой, разгульной русской масленицы [Кузьмина 1958, 56]. Превращая природные возвышенности в ледяные горы, пользовались старинным способом: сначала спуск заливали водой, потом застилали соломой, вновь заливали и так несколько раз, пока не

получался толстый слой льда. В первые годы после основания Петербурга именно такую «технологию» заливки Невских берегов наблюдал ганноверский дипломат Ф.-Х. Вебер, который отметил и другие любопытные детали: с подобных гор спускались на соломенном коврике по три человека; наверху стоял столик, уставленный водкой, «с которого катавшиеся получали сначала выпить на дорожку», – видимо, для храбрости и куражу. Как только усевшихся на коврик ставили вниз с горы, «начинали играть литавры и трубы, звук которых сопровождался криками зрителей и самих спускавшихся» [Беспятых, Сухачев 1989, 62]. С гор скатывались не только на «ковриках», но и на рогожах, подмороженных бычьих шкурах, однако чаще всего на санках. Некоторые удалцы, к немалому удивлению иностранцев и восхищению соотечественников, скользили вниз по достаточно крутым склонам на ногах или даже на коньках.

Катальные горы и балаганы на Адмиралтейской площади в Петербурге. Литография с рисунка А.И. Шарлеманя. 1850-е гг.

С ростом столицы росла и популярность масленичных ледяных гор, которые начали возводить на главных площадях. Уже в последней четверти XVIII столетия обычным был комплекс из двух гор, выстроенных параллельно друг другу, скатами навстречу. Прокатившись с одной горы, человек мог тут же подняться на другую и съехать в обратном направлении. Такой принцип расположения гор сохранялся до конца XIX в. В период расцвета народных гуляний (на Адмиралтейской площади) ледяные горы занимали огромную территорию, захватывая Дворцовую площадь: вышка первой горы находилась «неподалеку от Александровской колонны, к ней “затылком”, с таким расчетом, что катающиеся в силу разгона доехали бы до главного входа в Адмирал-

тейство, даже несколько дальше, где находилась вторая вышка, поднявшись на которую <...> съезжали в обратном направлении к Александровской колонне. Билет туда и обратно — пятак за санки, а размещались на них вдвоем, ну а ребята — так те втроем» [Алексеев-Яковлев 1948, 26]. На Марсовом поле горы устанавливались вдоль казарм.

Центральные горы — грандиозные, соответствующие столичному статусу Петербурга, — сооружались из толстых больших бревен, высота которых достигала 18 метров (обычно 10 — 15 м), а разгон санок составлял до 100 м. Горы имели с одной стороны лестницу для подъема на верхнюю площадку («вышку»), а с другой — достаточно крутой, несколько волнистый дощатый скат. Во избежание несчастных случаев верхние площадки таких гор обносились перилами. Как следует из записок У. Кокса, скат — наклонная гладкая поверхность с бортами по краям — поддерживался «прочными столбами постепенно уменьшающейся высоты». На досках ската закреплялись квадратные плиты льда «толщиной примерно 4 дюйма, их сначала выравнивают топором и укладывают вплотную друг к другу, а затем опрыскивают водой. Благодаря этому они срастаются и, пристав

к доскам, сразу образуют наклонную плоскость из сплошного льда» [Беспярых, Сухачев 1989, 61]. Через столетие способ постройки и заливки гор не претерпел сколько-нибудь существенных изменений. А.Я. Алексеев-Яковлев вспоминал: «Горы воздвигались одним из петербургских подрядчиков, соединялись из разборных частей, хранившихся на его лесной даче. Вышки опирались на толстые сваи и сравнительно были высокими. <...> С вышек тянулась довольно резкая по наклону, вогнутая, с «прогибом», покатошь примерным протяжением изгиба до тридцати сажен, также покоившаяся на сваях. Когда покатающая часть сходила на нет, разгон был такой, что саночки пролетали по ровной ледяной дорожке около пятидесяти-шестидесяти сажен, а то и больше, особенно у опытных, ловких, умелых катальщиков. Когда горы были закончены сборкой, они выкладывались квадратными кусками льда и поливались водой. Образовавшаяся ледяная покатошь была вполне гладкой» [Алексеев-Яковлев 1948, 26].

Вспоминая о петербургских гуляниях «под горами» последней четверти XIX в., А.Я. Алексеев-Яковлев приводит и такую интересную подробность: чтобы сделать поверхность горы «зеркальной, над-

Горы и балаганы на Марсовом поле в Петербурге. К.И. Кольман. Акварель. Начало XIX в.

Представляем научные центры

107

лежало еще ее «накатать» — да так, чтобы не попортить», для этого нанимали специальных «каталей». Они же «состояли при горах на случай нужды для неопытных или боязливых гостей» [Там же]. А. Бахтиаров, рассказывая о ледяных горах на Марсовом поле, воспроизвел следующую картинку с натуры: «На горах артели “каталей” приглашают публику прокатиться. Одетые в коротенькие полушубки, в рукавицах, с санками в руках, катали то и дело выкрикивают:

— Прокатиться не угодно ли!

— Пожалуйте, прокачу!» [Бахтиаров 1990, 54–55].

Горы, а также расчищенная от снега дорожка, по которой скользили санки после спуска с горы, украшались елками, флагами, даже деревянной скульптурой. С наступлением темноты зажигали фонари, что, по словам П.П. Свинына, создавало особый эффект: «Отражение сей массы разноцветных огней в снегу, мешаясь с тенями, представляет необыкновенное зрелище» [Свинын 1816, 78]. Во второй половине XIX в. площадки вышки главных гор «украшались беседкой, чаще всего затейливой, в восточном стиле, преимущественно китайском, что придавало им карнавальныи характер» [Алексеев-Яковлев 1948, 26].

Катание с гор было излюбленной забавой горожан всех сословий. Известно, что Петр I «в сопровождении двора выезжал в Дудергоф в окрестностях столицы, чтобы потешиться катанием на санях с крутых склонов Вороньей горы» [Семенова 1982, 168]. С ледяных гор, устраиваемых на Неве, любила кататься и Елизавета Петровна [Петербургская газета 1889]. В 1770-е гг. П. фон Хавен к странностям русского быта причислял непонятную ему страсть жителей молодой столицы к катаниям с ледяных гор, да еще в сильные морозы: «С наступлением масленицы там всю неделю напролет с утра до позднего вечера множество людей обоих полов пропадают на горах, «они платят оплатившим и построившим (эти сооружения. — А.Н.) по 1 копейке за каждый спуск... садятся в специальные маленькие санки, ждут, пока их подтолкнут вниз, и мчатся с неопикуемой скоростью далеко по катку» [Беспятыи, Сухачев 1989, 58]. И.-Г. Георги, описывая Пе-

тербург начала XVIII в., отмечал: «Сие увеселение столь нравится народу, что и простые женщины и молодые люди лучшего состояния в оном участвуют» [Георги 1794, 654]. О размахе гуляний и популярности ледяных гор в ту пору можно судить по газетному сообщению о том, что на двух горах в течение дня «скатывалось по 7000 человек один после другого» [Северная почта 1813].

Красноречив и такой факт: в 1835 г. были введены торги на участки под балаганы и карусели (на Адмиралтейской площади), возведение же гор и качелей до 1867 г. оставалось бесплатным. Когда и за право построения гор надо было платить — выкупать участок на площади, отведенной под гулянье, — доход с гор всё равно значительно перекрывал расходы. Горы, как писал А.Я. Алексеев-Яковлев, были настоящим «золотым дном», самым выгодным аттракционом в эпоху расцвета петербургских традиционных масленичных и пасхальных гуляний. Это хорошо знал Г.Г. Елисеев, владелец знаменитых гастрономических магазинов в Москве и Петербурге. Получив подряд на постройку гор, он, не скрывая, заявлял, «что каждые три года “горы” приносят ему новый доходный дом “имени Народного дома”, как он выражался» (имелись в виду горы при Народном доме на Петербургской стороне, недалеко от зоопарка) [Алексеев-Яковлев 1948, 149].

Горы и сама праздничная площадь во время народных гуляний становились своеобразной сценой, где присутствующие одновременно оказывались и зрителями и действующими лицами. Здесь веселящийся народ был объектом внимания иностранцев и светской публики, приходившей полюбоваться на простонародные забавы, народ же, в свою очередь, дивился на кареты, экипажи, сани, наряды «благопристойной публики». Особенно много азартных болельщиков и просто любопытных собиралось вокруг высоких ледяных гор. «Некоторые седоки, особенно дамы, стремглав спускаясь с горы, вскрикивают, чем и доставляют немалое удовольствие толпе, шпалерами стоящей на протяжении всего раската», — писал А. Бахтиаров [Бахтиаров 1990, 55].

Любовь к традиционной зимней забаве, популярность масленичных ледяных гор привели к тому, что горы в Петербурге стали возводиться и во время весенних и летних праздников и гуляний. Это были деревянные строения, примерно так же устроенные, только спускались с них не на санях или коньках, а на особых «лубках» или на ковриках, либо «по отведенным покатым желобам посредством маленьких колясок, поставленных на четырех медных колесах» [Свиньин 1816, 124]. «Летние» горы устанавливались на Пасху на Адмиралтейской площади (упоминаются с 1827 г.) [Конечный 1989, 27], затем на Марсовом поле; известностью пользовались деревянные горы Екатерингофского парка, где ежегодно 1 мая проходило гулянье.

В XVIII в. катальные горы (зимние и летние) входили в состав знаменитых дворцовых комплексов Царского Села и Ораниенбаума. М.И. Пыляев пишет, что в январе 1743 г. по указу недавно вошедшей на престол Елизаветы Петровны «была заново отделана катальная гора, в нижнем этаже, под горою, был выслан пол сибирскими плитами, белыми и черными; в верхнем этаже были поставлены изразцовые печи, сделаны новые машины с колесами, канатами и прочими приспособлениями и восемь новых колясок двухместных и одноместных, обитых зеленым сукном, шелковою тесьмою и золотым позументом; некоторые коляски были выкрашены красною краскою и обиты алым сукном с золотым позументом. Коляски эти зимой ставились на дубовые полозки». Гора вновь была переделана в 1754 г. [Пыляев 2002, 423]. Не меньшее внимание уделяла горам и Екатерина II. В 1780 г. она демонстрировала царскосельскую каменную катальную гору графу Фалькенштейну (императору «Священной Римской империи» Иосифу II), который, придя в восторг от такого сооружения, получил от императрицы в подарок большую модель этой катальной горы [Там же, 389]. Рассказывают, что однажды Екатерину — любительницу кататься с гор — спас от смерти или серьезной травмы А.Г. Орлов. При спуске с высокой деревянной горы у колесницы, в которой сидела императрица, выскочило из

колеи медное колесо. Обладавший огромной физической силой «граф Орлов, стоя на запятках, на всем раскате спустил ногу на ту сторону, где была опасность, а рукой схватился за перила и таким образом удержал колесницу» [Там же]. «Наиприимущественнейшая в своем роде катальная гора» в виде четырехъярусной башни с пологим скатом на полверсты находилась в Ораниенбауме. По повелению Елизаветы Петровны строительство ее было осуществлено В. Растрелли. Эту гору не раз посещала Екатерина II, а последнее катание было при Павле I [Там же, 366].

В конце XIX в. появились механизированные горы с изогнутыми рельсовыми путями и вагонетками для катающихся, где для подъемов применялась электрическая тяга. «Такие горы почему-то, вероятно, рекламы ради, именовались у нас “американскими”, хотя за границей носили большею частью название русских» [Алексеев-Яковлев 1948, 29]. Впервые построенные в Нижнем Новгороде на территории Всероссийской выставки 1896 г., спустя некоторое время они появились в Петербурге — сначала в летнем саду «Луна-парк» на Офицерской улице, затем на берегу Невы.

По свидетельству современников, на рубеже XIX — XX столетий наибольшим успехом пользовались электрифицированные горы, которые размещались у Невы как раз напротив фасада Зимнего дворца, так что «при подъеме на высшую их точку была отлично видна центральная перспектива города от Литейного моста до дальних очертаний Васильевского острова, а также весь сад (Александровский, на Петроградской стороне. — А.Н.), освещаемый к концу гулянья бенгальскими огнями и фейерверками» [Там же, 149].

Неутомимый А.Я. Алексеев-Яковлев разработал совершенно новый тип катальных гор — «водяные горы». Они были построены в Петровском парке (где впоследствии был сооружен спортивный стадион) и получили широкое признание у гуляющей публики. «После нескольких “виражей” рельсовой дороги по принципу “американских” гор, вагонетки-лодочки, с полным сохранением чувства неожиданности для катающихся, вылета-

ли на поверхность воды протекающей вблизи реки Ждановки и благодаря особым приспособлениям как бы по инерции скользили по воде, вызывая обманчивое ощущение технической неполадки» [Там же, 30].

Традиция устраивать ледяные горы сохранялась и в годы советской власти. Так, усовершенствованные и усложненные «американские горы» были выстроены в саду Народного дома в сезон 1931 – 1932 гг. (во время блокады они сгорели от зажигательных бомб). Однако никогда уже ни массовые гулянья, ни веселье на ледяных горах не достигали такого масштаба, такой всеобщей раскрепощенности и полного погружения в атмосферу праздника, какие господствовали на масленой и пасхальной неделях в Петербурге XVIII – XIX вв.

Литература

Алексеев-Яковлев 1948 – Русские народные гулянья по рассказам А.Я. Алексеева-Яковлева, в записи и обработке Евг. Кузнецова. М.; Л., 1948.

Бахтияров 1990 – Бахтияров А. Народные гулянья на Марсовом поле // Язвы Петербурга: Сб. газетного фельетона конца XIX – начала XX в. Л., 1990. С. 54–55.

Беспярых, Сухачев 1989 – Беспярых Ю.Н., Сухачев Н.Л. Петербургский быт в России XVIII в. // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 34–90.

Георги 1794 – Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. Ч. 2.

Конечный 1989 – Конечный А.М. Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 21–52.

Кузьмина 1958 – Кузьмина В.Д. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958.

Михневич 1874 – Михневич В. Петербург весь на ладони. СПб., 1874.

Петербургская газета 1889 – Горы // Петербургская газета. 1889. 21 февраля.

Пыляев 2002 – Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 2002.

Северная почта 1813 – [Известия внутренне] // Северная почта. 1813. 26 апреля.

Свиньин 1816 – Свиньин П. Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. СПб., 1816.

Семенова 1982 – Семенова Л.Н. Очерки истории, быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982.

М.А. ЛОБАНОВ

СКРИПКА И ГУСЛИ: ЗАМЕТКИ О СПОСОБЕ ДЕРЖАНИЯ ИНСТРУМЕНТА

В традиционных музыкальных практиках принято по-разному располагать струнные инструменты относительно тела и рук исполнителя. От чего зависит это разнообразие? Как прежде всего можно подумать, от способа извлечения звука щипком либо смычком. Однако уже самый беглый обзор данных показывает, что в выборе положения инструмента при игре на нем это не является первостепенным.

Так, вертикально-напольное расположение струнных, связанное в народных традициях Евразии с игрой смычком (киргизский *кыяк*, казахский *кобыз*, эстонский *пыйспилль*), характерно и для щипковой игры на всегда вертикально ориентированном контрабасе, ставшем в джазе фактически щипковым инструментом. Вертикально-наколенное держание применимо как для смычковых хордофонов (*кеманча* у армян и азербайджанцев, *гиджак* у туркмен, *хур* у бурятов, упомянутые выше *кыяк* и *кобыз*, которые держат кто на полу, кто на колене), так и для щипковых, относящихся к типу «угловая арфа» (грузинский *чанги*, мансийский «лебедь»). Диагонально-наколенная манера держания инструмента, когда гриф оперт на поднятое предплечье музыканта, характерна большей частью для щипковой игры (*домбра*, *кобза*, *гитара* и многие другие), но отмечена и в связи с игрой смычком (карельский *йоухикко*). Правда, последний держат при игре с уклоном влево, а не вправо, как это обычно принято для щипковых. Горизонтальное держание инструмента плашмя на коленях либо на столе тоже более всего связывается со щипковой игрой (*гусли*, *псалтерион*, *цитра*, тувинский *чагадан*, корейские *комунго* и *кагым*). Однако даже при горизонтально-настольном расположении хордофонов, при котором трудно представить игру смычком, последняя тем не менее применяется, и инструменты эти классифицируются как смычковые: латышская *дига* или соответствующий ей

